УДК 316.74:1

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Антипов А.С.

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Ульяновск, e-mail: rector@ulstu.ru, http://www.ulstu.ru

В представленной статье рассматривается в социально конструктивистском и экзистенциальном аспектах феномен глобализации и его влияние на сущность, содержание и имманентные характеристики опыта повседневности, в том числе интерсубъективные взаимодействия. Исследование преимущественно осуществляется на базе методологии социальной феноменологии и экзистенциальной аналитики. Цель работы заключается в изучении влияния глобализационных процессов на качественные изменения в мировоззренческой, ценностной и поведенческой формах активности социальных субъектов в поле повседневных интерсубъективных взаимодействий. Проводится краткий анализ научно-теоретических предпосылок, предвосхитивших объективацию процессов глобальной интеграции, а также рассматривается технологический аспект реализации данных процессов. Выявлена зависимость между основными интенциями идеологемы постмодернизма и культурными аспектами ценностно-поведенческой активности социальных субъектов в рамках глобальных сдвигов социальной перспективы. В ходе исследования раскрываются властные, монетарные и культурные манифестации феномена глобализации в поле повседневности, а также обосновывается противоречивый характер их влияния на опыт повседневного экзистирования субъекта.

Ключевые слова: глобализация, деконструкция, дискурс, интерпретация, конструктивизм, интерсубъективность, повседневность, постмодернизм, социальность, экзистенциал

GLOBALISATION AS A PROJECT OF DESIGNING EVERYDAY REALITI

Antipov A.S.

FSBEI HPE «Ulyanovsk State Technical University», Ulyanovsk, e-mail: rector@ulstu.ru, http://www.ulstu.ru

The article looks into the phenomenon of globalization in view of social-constructivist *andexistentialist* aspects and its influence on the essence, content and intrinsic characteristics of the experience of everyday reality including intersubject interactions. The research is carried out mostly on the basis of methodology of social phenomenology and existential analytics. The aim of this work is to study the impact of globalization processes on qualitative changes in the world outlook, axiological and behavioural forms of activity of social agents in the field of everyday intersubject interactions. The author analyses scientific prerequisites that forestalled objectivization of global integration processes and looks into technological aspect of realization of these processes. The work determines dependence between the main intentions of ideologema of post-modernism and cultural aspects of axiological-behavioural activity of social agents in the frames of global shifts of social perspective. In the course of research work authoritative, monetary and cultural manifestations of the phenomenon of globalization are demonstrated and contradictious character of their impact on the experience of everyday existence of a subject is proved.

Keywords: globalization, deconstruction, discourse, interpretation, constructivism, intersubjectiveness, everyday reality, post-modernism, sociality, existential

Социальный конструктивизм, являясь относительно новым направлением в социальных науках, основное внимание уделяет роли дискурса как особого фактора конструирования мира и собственного «я», что ведет к отказу от традиционных представлений о всеобщих абсолютных истинах. При этом признается возможным более или менее плодотворное рассмотрение и описание нормативных поведенческих форм и особенностей индивидуальной и групповой психодинамики лишь в контексте конкретных культурно-исторических детерминант, определяющих разнообразие дискурсов в поле творческого конфликта интерпретаций. Этим объясняется наличие разнообразных конструкций мира и интеллектуального плюрализма относительно онтологического и аксиологического статуса целого спектра сущего в бытийном горизонте.

При этом социальный конструктивизм в отличие от радикального конструктивизма все же ставит вопрос о возможности определённых пределов описания реальности [8], не порывая однозначно с законностью самой постановки проблемы адекватности интеллектуальных конструкций онтологически укорененному сущему.

Парадигмальная модель конструктивизма узаконивает релятивистский взгляд на историю, проблематику истинности. При этом однако, по мнению ряда исследователей, создаёт все предпосылки и возможности как для активного интеллектуального, мировоззренческого ревизионизма, так и для недвусмысленной провокации выстраивания волюнтаристской картины мира, а также признания неизбежности периодического морального устаревания социальных проектов и реализующих их социальных технологий.

Одним из таких проектов крайне противоречивого характера является глобализация с ее вторжением в тот фундаментальный пласт бытия человека, именуемый повседневностью. Содержание, вектор, характер, механизмы этого проекта и последствия его реализации являются предметом исследования многих социальных наук. Нас, однако, интересует анализ условий, обеспечивших возможность как его появления, так и осуществления, в первую очередь, в сфере повседневного опыта жизни. Решение поставленной задачи напрямую связано с тем теоретико-методологическим контекстом, в рамках которого она ставится и реализуется. Другими словами, проработка некоторых ключевых аспектов данной задачи ведется в поле социального конструктивизма, учитывающего результаты феноменологии и экзистенциальной аналитики. Это означает также, что глобализация понимается в качестве продукта двойного конструирования: в поле запросов социальной практики – как естественным образом складывающийся результат взаимодействий различных элементов общественной жизни; в поле теоретического познания – как предмет и результат исследования, детерминируемый используемыми методами, принципами и т.д.

Данная исследовательская установка базируется на положениях ряда концепций, сложившихся в социальном познании в XX веке. Сюда относятся трактовка М. Вебером сущности социального действия; учение А. Щюца, различающего два типа мотивов – «для-того-чтобы» и «потому-что», из которых первый фундирует реализацию проекта-действия, в то время как второй в большей степени нагружен рефлексивно и коммуникативно; понимание П. Бергером и Т. Лукманом реальности повседневной жизни, где она в «качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер… Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность… Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них… Мир повседневной жизни декларирует себя…» [1, с. 44]. Этот подход развивает установки социальной феноменологии А. Щюца: в повседневном мышлении в процессе интеракций, интерсубъективный, анти-герменевтический разрыв преодолевается посредством идеализаций взаимозаменяемости точек зрения, с одной стороны, и идеализацией систем релевантностей – с другой [10]. Они и представляют собой технологию интеракции и типизации объектов и процессов, в которой гасятся экстремы несовпадения своеобразных точек отсчета личного опыта и его уникального содержания. Другими словами, в рамках тезиса взаимности перспектив реализуется идеализация взаимности мотивов в рамках социального взаимодействия. Анонимность и объективность содержания самой повседневности представляет собой конструктивно-рефлексивный и социально организованный мир феноменов.

Таким образом, повседневность в качестве одной из конечных областей значения является первичной реальностью по отношению ко всем остальным, и даже научная рациональность в некотором роде есть продолжение рациональности здравого смысла [2]. Однако сама повседневность является конструктивной проекцией содержания сознания. В этом смысле знание представляет собой реальность особого рода, некий «первичный» мир, в который человек погружен изначально, где знание является своеобразным субстратом, конституирующим реальность. Человеческая субъективность наиболее полно реализует себя в режиме повседневности, которая является лишь одной из многих сфер человеческого опыта, имеющая особую грамматику восприятия и рефлексии на основе погружения в заботы первого порядка, борения, трудовой деятельности и первичных, экзистенциально детерминированных страхов, нагруженных всем спектром своеобразного «прямого взгляда из глубины».

Взаимопроникновение, взаимообусловливание конструирующих процессов в повседневности и «знаниевом» поле образует мир социальной реальности. Безусловно, здесь имеет место несовпадение систем релевантностей, поскольку мир социального взаимодействия упорядочивается субъектами, имеющими, если так можно выразиться, различную степень погруженности в заботы фундаментального характера, в динамику телесных и экзистенциально нагруженных связей, образующих пространство повседневного бытия. Здесь всегда реализуется столкновение конструктов, в которых отражается несовпадение проективно-стратегических целей инструментального действия с императивами коммуникативной ориентации, с одной стороны, и некогерентность мирооописательно-мировоззренческих интенций – с другой.

Тесная связь и прямая зависимость глобальных преобразований социальной реальности с определенными интеллектуальными интенциями XX столетия отмечаются многими исследователями. Психоанализ З. Фрейда, неомарксизм, концепции общества массового потребления, экономическая доктрина Чикагской школы, некоторые

положения постструктурализма (постмодернизма) выступают во многом определенной теоретической платформой проекта глобализации. В этом же ряду находится фундаменталистская идея игры деконструктивистского, эпистемологического и социально-ориентированного ревизионизма. Это, по сути, и есть конструктивизм в действии, поскольку конструкция являет собой результат творческой активности, в недрах которой сотворяются новые качественные состояния, несводимые к предшествующим. Иначе говоря, происходит создание принципиально нового социально-культурного дискурса, прямо противопоставляющего себя в лице своих интеллектуальных апологетов дискурсу модерна.

По небезосновательной мысли представителей конструктивистской парадигмы, все ключевые и наиболее значимые элементы общеисторического процесса были когда-то сконструированы сообразно конкретно-историческим истинам времени, социокультурно обусловленным стандартам и требованиям исторической конъюнктуры. В этом случае качественно новые парадигмальные установки и правила игры в изменившихся условиях дискурса с необходимостью детерминируют рождение новой матрицы возможных состояний, с неизбежностью демонтирующей наиболее фундаментальные экзистенциалы, интенции, содержание и вектор предшествующих эпох.

Тем не менее необходимо помнить одну из главных идей конструктивизма, что ни одна из конструкций не может претендовать на статус абсолютной. Это же справедливо и для установок самого конструктивизма. Еще М. Хайдеггер обращал внимание на опасность «схематизирующего интеллектуализма», который за «рафинированными вымыслами» и абсолютизацией статуса технологий познавательных практик упускает, а то и вовсе девальвирует первоначальные интенции и подлинные цели познания. Говоря об истине как «непотаенности» бытия, он указывал, что одной из разновидностей «скрытости» является как раз-таки «загораживание», игнорирование тайны жизнеречения и первичного опыта, нагруженного заботами повседневности [9].

Рождение постмодернистских теоретических конструктов есть презентация радикальных сдвигов в повседневности, которая не только сама впитывала новации интеллектуально-теоретической сферы, но и во многом была их источником. Поэтому возникает необходимость выявления смещения смыслового и поискового поля в исследованиях феномена процессов глобализации, а также в содержательном, дискурсивном воздействии данных процессов на обыденный опыт социальных субъектов в условиях глобальных сдвигов социальной перспективы. С этой целью обратимся к анализу некоторых конкретных канонов и технологий, оказывающих качественное воздействие на мир современного интерсубъективного опыта.

С течением времени глобализация реализуется все больше через проективные конструкции направленной воли и замысла, будучи все меньше похожа на осуществление исторического объективного инвариантно-императивного вектора и все больше – на относительно оправданный бизнес-план в поле возможного. И совокупность этих планов, последовательная их реализация все яснее представляет собой революционное вторжение в пределы первичного мира обыденного опыта повседневности, ценностную экспансию в сферу сакрального, репрессию традиционно-патриархального и столкновение с устоявшимися способами социокультурной регуляции и социального контроля.

Власть в этих процессах играет во многом ключевую роль. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, «определения реальности могут усиливаться с помощью полиции. Это, кстати, совсем не означает, что такие определения будут менее убедительными, чем те, что были приняты «добровольно», – власть в обществе включает власть над определением того, как будут организованы основные процессы социализации, а тем самым и власть над производством реальности» [1, с. 195]. Это утверждение весьма справедливо, не исключая даже тех случаев, когда власть начинает структурно аккумулировать ложные сигналы реальности в неадекватной декодировке с целью принятия ответственных решений и реализации масштабных стратегических задач.

Также необходимо обозначить такой важный аспект дискурсивного закрепления господства властных объективированных структур в обществе, как формирование информационного политкорректного кода. Первоначально он являет себя в поле социального в качестве своеобразной коммуникативной культуры: упорядоченных информационно-символических и языковых игр, в ходе которых шифруется конкретное содержание социальных процессов с целью сокрытия в первую очередь экспрессивно-негативных сторон социальной реальности. Однако в дальнейшем политкорректный код, все больше сопрягаясь с официальным информационно-семантическим кодом в единых и монолитных технологиях воздействия на горизонтальные структуры

общества, начинает выполнять охранный в отношении властной вертикали характер. В этом случае политкорректная кодировка задействует весь спектр технологий манипулятивного воздействия на массовое сознание. В условиях же противостояния институтов власти на международном уровне политкорректный код являет себя в качестве обоюдоострой технологии намеренного информационного «загораживания» и игры с ложными смыслами, когда существует серьезная опасность дешифровки подлинных намерений на уровне «утечки информации».

Таким образом, проникая в повседневность, политкорректный код не только способствует вымыванию из сферы обыденного опыта широкого пласта мыслеформ в результате подмены подлинного кода «ближнего бытия» кодом сокрытия подлинных смыслов, но и ослабляет способность субъекта противодействовать манипулятивным воздействиям со стороны властных институций. Он также сужает возможности дискурсивного сопротивления, способность различения и создает все предпосылки для опасной и непредсказуемой инверсии мировоззренчески нагруженных бинарных оппозиций в поле экзистирования.

Другим каналом проникновения в мир повседневности и его переструктуризации в соответствии с проектом глобализационных процессов выступает сфера экономики. Здесь важнейшую роль играют монетарные технологии, превращающиеся в своеобразную мировоззренческую парадигму. В качестве примера можно привести фундаменталистскую версию глобального корпоративизма, нашедшую свое наиболее яркое воплощение в доктрине чикагской школы экономики М. Фридмана, превратившуюся со временем в своеобразную философию глобализирующихся элит [6].

Капитал, пребывающий ныне в скольжении и транзакционном потоке, выстраивает иные векторы силы и энергий. Появляются такие структуры, которые становятся впоследствии относительно независимыми от сконструировавшего их консенсуса игроков в активистской и деятельностной интерсубъективной интерпретации социальной реальности. Тем самым эти структуры обретают статус объективных феноменов со своим миром значений и смыслов, реализующих функцию анонимного и принудительного воздействия на весь спектр и характер субъективных интерпретаций.

Фундаменталистская установка власти, на которую указывал еще М. Фуко, теперь уже нацелена на выстраивание новых социальных структур. Они становятся условием появления иной системы ценностных регуляторов, где капитал играет роль средства, цели, мерила личностного успеха, самодовлеющего конструкта. Более того, он оказывается неким суррогатным экзистенциалом особого порядка, на который замыкаются все прочие экзистенциалы в своем искаженном векторе.

Инвестиционный монетаризм и финансовые транзакции в своих потоках не являются непосредственно распознаваемыми для субъекта, далекого от необходимости интерпретации таких явлений. Однако в силу своей озабоченности непосредственным повседневным бытием субъект вынужден настраиваться на дешифровку этих монетарно-экономических кодов. Так, чуждый изначально заботам повседневности интерес к валютному курсу, ценам на сырье и формированию так называемого инвестиционного климата вызван острой необходимостью распознавания ближайших и возможных перспектив интерсубъективного самопроектирования и самореализации субъекта в ситуации неравновесного колебания глобальных монетарных движений и нарастающей виртуализации этих процессов. Однако это распознавание в силу высокой степени неопределенности и непредсказуемости для «взгляда из глубины» виртуальных инвестиционных, монетарных транзакций реализуется главным образом по косвенным признакам, порождая экзистенциальное напряжение, тревогу, неуверенность и т.п. Ныне социально объективированный страх и смятение смещаются в сторону страха оказаться социальным «лузером» с одной стороны, и с другой страха потери смыслоориентированного и смыслопоискового вектора в тотальности, фундированной не просто монетарной доминантой, а ее искаженным модусом, нашедшим свое наиболее яркое воплощение в предельной виртуализации транзакционного и инвестиционного скольжения капитала. Это наглядно проявляется в том числе и в зависимости оснований «ближнего» бытия от индустрии биржевых игр финансового инвистиционного трейдинга, во многом задающего принципиально иные векторы распределения материальных благ.

Так, забота о близком в режиме «подлинной экзистенции» (М. Хайдеггер) становится теперь опрокинутой в раздробленофрагментированный пласт повседневности, где дефрагментация со-бытия опять-таки реализуется в преимущественно монетарном модусе, который начинает господствовать в качестве суррогатного экзистенциала и точки сопряжения всех видов экзистирования.

Еще одним каналом переорганизации повседневного бытия в сопутствующих глобализации культурных феноменах является десакрализация и деконструкция обыденного опыта. В результате реализации постмодернистского проекта по десакрализации «божественного» в сторону трансцендентной и бессубъектной «божественности» обезбоженной, по теоретической критике метаповествовательной парадигмы и целостности как таковых [3], а также в ходе интеллектуального развенчания значения и роли традиционно-сакральных сегментов в структуре императивов повседневности утверждается своеобразный культурно-дискурсивный диктат деконструкции. Закономерным следствием объективации данного проекта в поле социальной практики и его доминировании в культурном дискурсе является замыкание социальной, культурной и субъективной перспективы на руинизацию и осколочность как императивы обыденного опыта, так и всего спектра жизненных проектов социального субъекта. Метадискурсивные сдвиги децентрирования в поле интеробъективных процессов и интерсубъективных взаимодействий неизменно оказывают разборно-демонтажный эффект на целостность субъективного самопроектирования в контексте поиска смысла и кристаллизации целей как жизненных проектов, так и имманентной цели экзистенциально нагруженного бытия. Это означает, что культурный дискурс меняется качественно.

В сфере потребления расширяется как поле, так и количество десакрализованных сегментов социальной реальности, в которых проблема морально-нравственных оснований либо минимизируется, либо жестко подавляется. Особенно яркое и характерное свое воплощение эти технологии респектабилизации маргинального находят в расцвете тех индустрий развлечений, в которых десакрализуется образ женщины как возлюбленной подруги, супруги и матери. Демонтаж традиционных способов социокультурной регуляции и взаимодействий, исторически выстроенных с целью четкой демаркации сакрального и профанного, нормального и девиантного, в изменившихся условиях снимает ограничения как на качество и количество, так и на сущность, содержание и масштаб потребляемого. В поле повседневности, как оно презентированно в практике глобализации, как правило, снимаются и гасятся запреты на потребление, носящее характер девиантного, однако с обязательным условием политкорректности и зачастую в режиме толерантной апологии.

В конструктах же традиционного выстраивания образа реальности и моделей взаимодействия веками закладывалось недоверие к радикальным и форсированным социальным реконструкциям по новым правилам. В исторической памяти оседали стереотипные мыслительные императивы, согласно которым внезапные и коренные перемены возможны, а иногда оправданны лишь в экстремальных условиях [5]. Если же это происходило, то надежды коллективной интеграции и преодоления деструктивных последствий смещались в сторону реанимации в массовом сознании типических и инвариантных традиционных норм. Ныне же культурный аспект глобализации, нацеленный на выстраивание проекта культуры массового потребления, являет себя в интенциях десакрализации интерсубъективных взаимодействий и в качественном встраивании в повседневный опыт деятельностно-циничного потребления как совокупного доступного массового продукта, так и разных видов и форм человеческой телесности.

Подвергается деконструкции и фундаментальное основание европейской культуры – свобода. Свобода, обладающая в европейской интеллектуальной традиции самодавлеющей самоценностью, проявляется теперь в неожиданном модусе. Свобода самосотворения, самопрезентации и самопроектирования находящегося в потоке субъекта сопряжена теперь с децентрированием феноменального топоса, со смещением ценностных императивов повседневности в сторону оправдания черновых вариантов само-бытия, лишенного родины. При этом нарастают тенденции к ее фрагментации, мозаичности, следовательно, технологической конструктивности и укорененности.

Опасность заключается в том, что децентрация неизбежно оборачивается повсеместной унификацией содержания «горизонта бытия» и качественным выравниванием «выпуклостей» ландшафта бытия-текста. А это ведет к деградации социально-экономического равенства, с одной стороны, и сужению потенций и возможностей различия-различения – с другой.

Складывается ситуация, когда в результате нарастания воли к стандартизации правил игры повседневного опыта, а также потребительского отношения к сущему, в итоге создаются условия, девальвирующие саму идею скитания и странствия. Стирание естественных и искусственных границ, деструкция образа и содержания неповторимого и уникального способны превратить сами странствия в поисках

«Другого» в пустопорожнее хождение по кругу в горизонте гомогенного.

В итоге и возникает перспектива неизбежной деградации онтологически фундированного различия, а вместе с тем и нарастание бессилия различения. Отсюда проистекает стремительное сужение объяснительных возможностей анонимно сконструированных стереотипов распознавания повседневной логики здравого смысла, что выражается в тщетных попытках ухватить, выявить и опознать в изменившихся условиях родовые качества самобытного, в том числе этнокультурного самостояния. Одновременно происходит стремительное нарастание репрессивного характера властно-монетарных манифестаций в поле повседневного экзистирования. Это искажает векторы озабоченности, замыкает их на суррогатные способы самопроектирования, а абсолютная свобода потребления в сопряжении с нарастанием опасности ценностной и поведенческой «руинизации» децентрированного субъекта способна ликвидировать возможность творческого самопроектирования.

Таким образом, с позиций социального конструктивизма глобализация как проект, теория и практика представляет собой принципиально новую сконструированную метафизику социального мира в ее интерсубъективной интерпретации, в которой стремительно стираются государственные и культурные границы. Однако при этом создаются механизмы, усиливающие явления жесткой социальной сегрегации. Это своеобразная претензия на выстраивание иной картины открытого мирового континуума, фундированного доминирующими идеями потока, скольжения и «неприкаянности» в противовес верности почве и тому священному клочку земли, который в традиционных паттернах сознания берегут духи предков. Концептуальные конструкты выступают своеобразными «машинами», создающими новые смыслы и программы организации социального мира, одновременно они являются и технологическими схемами его качественной, структурной реконструкции.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман: пер. с англ. Е. Руткевича. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Григорьев Л.Г. «Социология повседневности» Альфреда Щюца // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 123–128.

3. Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна // Социс. – 2001. – № 11. – С. 3–12.

4. Жвитиашвили А.Ш. Концептуальные истоки идеи глобализации // Социс. – 2003. – № 6. – С. 3–13.

5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.

6. Кляйн Н. Доктрина шока: пер. с англ. М. Завалова. – М.: Добрая книга, 2009. – 656 с.

7. Сивиринов Б.С. О феноменологической интерпретации социальной реальности // Социс. – 2001. – № 10. – С. 26–35.

8. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2 – С. 35–45.

9. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени: пер. с нем. Е.В. Борисова.– Томск: Водолей, 1998. – 384 с.

10. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

References

1. Berger P. Social construction of reality.Tractate on sociology of knowledge P. Berger,T. Lookman / Transl. from English E. Rutkevich M.: Medium, 1995. 323 p.

2. Grigoriev L.G. «Sociology of everyday reality» by Alfred Schuyts // Sociological Research. – 1988. no. 2. pp. 123–128.

3. Davydov Yu. N. Pathology of «postmodern condition» // Sotsis. 2001. no. 11. pp. 3–12.

4. Zhvitiashvili A.Sh. Conceptual sources of globalization idea // Sotsis. 2003. no. 6. pp. 3–13.

5. Kara-Murza S.G. Manipulation of senses. M.: Eksmo, 2009. 656 p.

6. Klein N. Doctrine of shock / Transl. from English M. Zavalov. M.: Dobraya kniga, 2009. 656 p.

7. Sivirinov B.S. About phenomenological interpretation of social reality // Sotsis. 2001. no. 10. pp. 26–35.

8. Ulanovskiy A.M. Contructivism, radical constructivism, social constructivism,the world as interpretation // Problems of psychology. 2008. no. 2. pp. 35–45.

9. Heidegger M. Prolegomen to history of temporality degger / Transl. from German E.V.Borisov. Tomsk: Vodolei, 1998. 384 p.

10. Schyuts A. Structure of everyday thinking // Sociological research. 1988. no. 2. pp. 129–137.

Рецензенты:

Брысина Т.Н., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Философия» Ульяновского государственного технического университета, г. Ульяновск;

Тихонов А.А., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Философия» Ульяновского государственного педагогического университета, г. Ульяновск.

Работа поступила в редакцию 15.03.2013.